

Подведены итоги Республиканского конкурса артистов-чтецов, проводившегося в ознаменование 30-летия Победы. Произведения, воспевающие немеркнущий подвиг советского народа в борьбе с фашизмом, демонстрировали 200 человек. ПЕРВОЕ МЕСТО — звание лауреата с вручением диплома первой степени присуждено заслуженному артисту УССР ПАЛАМАРЕНКО Анатолию Несторовичу — артисту Киевской филармонии.

ЛЕГ спать с Алексеем на полу и горько рыдал, прижимаясь к старшему брату, чувствовал — не увидит больше. А утром брат вывел коня Серка, который прибил к ним еще в оккупацию и стал опорой осиротевшей семьи.

Совсем юный Алексей. Но кто-то должен отомстить за отца, брошенного фашистами в Бухенвальд, за вывезенную на гитлеровскую каторгу сестру? «Ступай, коню, дорогой, дорогой широкою...» Песня, которую пела маленькому Толе мама. И по этой дороге из песни пошел Алексей. «Он на гори вогонь горить, а в долині козак лежить...» Не верится, кажется; вот-вот воротится брат со своим другом Серком, ведь возвратились же освобожденные из ада отец и сестра. И «виде сестра розгнуздає», и «виде мати розпитає».

Через всю жизнь и творчество заслуженного артиста УССР Анатолия Паламаренко проходит эта материнская песня-правда. И с наибольшей полнотой, через последнюю программу, посвященную 30-летию Победы и с большим успехом читанную в городах и селах республики. Сюда вошли произведения Довженко и Гончара, Вишни и Иваничука, Г. Тютюнника, Б. Олейника.

Как-то в антракте я заметила, как утирает слезы такой уже поднаторевший в актерстве человек — художественный руководитель Колонного зала имени Лысенко Р. Лефлер. На мой вопросительный взгляд смущаясь, ответила: «Каждый раз прихожу послушать, как он читает Довженко, и плачу; передает материнскую психологию так, будто он сам и есть та Мать». Да, зрители в зале переживают, плачут, взрываются хохотом и горячо благодарят артиста за человеческое сопереживание, пробуждение сокровенных душевных струн, за подаренную красоту правильного слова.

Как он шел к умению владеть залом?

Поговорить с Анатолием Паламаренко — это прежде всего найти в его безотказной загрузке времени свободную минутку: концерты, шефство, председатель месткома филармонии, член художественного совета. «Анатолий Несторович, подпишите», «Вы придете к

РАЗГОВОР С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

ОЙ НА ГОРЕ ОГОНЬ ГОРИТ...

нам в общежитие?». «У вас выступление сегодня, и завтра, и 26-го». «Когда угодно, хоть целый день, только не 26-го!», — прижимает руку к сердцу Паламаренко. — Сыночку Аксену два месяца, да и старший Алексей соскучился... В поисках спокойного места для разговора забираемся... в каморку слесаря филармонии.

Анатолий родился с внешностью, которую теперь назвали бы — характерного актера. С редкой наблюдательностью, перенимал и воспроизводил чужие натуры. Нет, он не был злобствующим передразнивателем, а просто познавателем, от природы художником воображения по схваченным отличительным чертам. На его «изображения» отца, соседей, родственников, однокашников люди только руками всплескивали: «Весь в бабу Ходоску!» (мамина мать), «Смеешься не столько потому, что смешно, сколько потому, что ведь правда!». Да, был чутким не столько к юмору, сколько к человеческим характерам и чувствам. А они в военную грозу предельно выразительны и далеко не веселые. Горе, нужда, похоронки... И «техникумы» почти по Остапу Вишне: овцы, коровы, волы, кони, Пастушок.

Росистое утро и ночной костер. Да еще возле самой хаты в родном Макарове на Киевщине красочное самодеятельное действо — ярмарка, с лириками. Вот откуда обостренное чувство природы, поэзии, музыки...

— Кстати, я сейчас готовлю «Ярмарку» О. Вишни. Здесь мне помогут детские впечатления. Они в какой-то мере в каждой моей работе. Выби-

раю ж то, что ложится на душу, — неподдельную правду и художественность, поэтическое восприятие мира и музыку языка. За это я особенно люблю Довженко, Вишню, сейчас меня очень заинтересовал Борис Олейник. Я уже не говорю об украинской классике...

— Вы также читаете Чехова и Айтматова...

— Гульсары и Серко — чем не родня?

Когда победитель детских шалостей — кто кого рассмешил — пристрастился в школе к литературе, — диву давался: «Что ни возьму — оно мне родное!». То ли «Енеїда», то ли «Ванька Жуков». Школьная самодеятельность,

— Я считаю искусство чтен-па более трудным. В театре актеру помогают свет, грим, костюмы, декорации, музыка, партнеры, суфлер. А у чтен-па все должно быть только в голове. И партнера — зрительный зал — еще нужно завоевать. Как? Силой своего воображения на голой сцене создать спектакль без тени фальши. У чтен-па должна быть чистая, честная душа. Нечестный святого не скажет, а если скажет, ему не поверят.

Манеру Анатолия Паламаренко не назовешь экспрессивной: жесты скупые, голос без нажима. Зато внутреннее, собранное динамическое напряжение передается зрителю одинаково убедительно как в трагическом плане, так и в комическом, к которому он шел через трагическое. Может именно поэтому его неутраченное комическое так нравится людям, что некоторые считают Паламаренко исключительно комедийным актером. Хотя в действительности он чтен-па многоплановый.

— Как вы готовите свой «спектакль»?

олимпиады, «гастроли» что-то да развивали в Толе. Ведь недаром, смеясь, говорили культбригадникам колхозники Гавронщины: «Оставьте нам этого пареня, мы вам за него корову дадим!». Но успех таил и опасность бездумного подражательства.

И тут на помощь пришла учительница И. С. Чоповская. «Не горбись, Толя, не паясничай, будь искренним, непринужденным, каким ты есть на самом деле! — не раз говорила она. — А в артисты иди обязательно». И он поступил в театральный. Где наставником его стал заслуженный деятель искусств УССР В. А. Нелли.

— Я обязан Владимиру Александровичу всем: он снял с меня наносное и сделал профессионального актера. Неумолимо, но интеллигентно выскателный, он умел пробудить сердце, мысль, вызвать раскрыть непосредственность.

В успехе дипломного спектакля «Власть тьмы», где А. Паламаренко блестяще сыграл роль Акима, была, безусловно, заслуга тонкой, высокоинтеллектуальной режиссуры Нелли. Но не только. Параллельно с институтским курсом Анатолий обучался мастерству художественного слова у А. З. Крыжевского. Много ему дали преподаватели: техники слова — В. М. Нятко, орфоэпии — Л. Г. Сокирко, постановщика голоса И. С. Колесникова. Вот почему его голос выдерживает без микрофона длительные нагрузки, слышен в отдаленных уголках зала. Вот почему после Хмельницкого театра он оказался в Киевской филармонии, стал чтецом.

— Главное направление — идею, сквозное действие — помогает определить режиссер. Делаю композицию из произведений, опуская менее существенное. Присчеты писателя сразу чувствую: не могу воссоздать этих мест, не запоминую. Исходя из психологии персонажей, использую житейские ситуации, леплю характер. Учусь утром дома, на улице, на ночь и даже во сне. А потом иду к непредвзятым режиссерам — в подшефную 8-ю школу, в общежития, мотозавода, «Стройдормаша», институтов культуры, медицинского: вот вам часы, проследите, как укладываюсь», скажите, чего не поняли, где что-то не так. А затем «важнине», «обкатка» по клубам и домам культуры.

Полагаю, — продолжает Паламаренко, — всем артистам художественного слова не хватает еще одного режиссера — художественной общественности. Это не только рецензии в прессе на наши программы, чего, кстати, вовсе нет. Я мечтаю о клубе на общественных началах, где хотя бы раз в неделю чтен из той или иной филармонии мог перед знатоками продемонстрировать вновь подготовленную программу, прежде чем выносить ее на большую сцену...

Верная мысль. Тем более ее высказывает актер выкристаллизованного слова, которого слушают, как правило, без перевода всюду. А он выступает на стройках пятилетки, на заводах и фабриках, в воинских частях. Его программы, составленные с большим вкусом, его слово, заглавное песней Вечного огня, помогают ценить достигнутое и трудиться еще радостней.

Н. КОШАРА.

Фото И. ОХРИМЕНКО.